

Страсти по Анджею

Метр польского кинематографа А. Вайда задает вопросы, которые часто значительней сотни правильных ответов

Леонид КОРНИЛОВ, «Известия»

Десять дней назад в Берлине на 46-м Международном кинофестивале великий польский режиссер получил приз «За вклад в историю кино». Можно было бы считать это почетным подарком метру к 70-летию, если бы новая его работа — «Страстная неделя» по повести Ежи Анджеевского не завоевала там «Серебряного медведя». Это трагическое повествование о польском интеллигенте, который во время восстания в варшавском гетто укрывает на вилле, где живет с беременной женой, свою давнюю знакомую, еврейку...

До сих пор звучат голоса: зачем возвращаться к тем событиям, зачем вызывать демона? Демон — еврейский вопрос в военной Польше, равнодушие к трагедии евреев, чувство вины реальной или мнимой, память и комплекс бессильного свидетеля Холокоста.

Верно поставленный вопрос порой значит больше, чем сотни правильных ответов. Кинематограф «польской школы», который вместе с рано умершим Анджеем Мунком, с Ежи Кавалеровичем создал Вайда, задавал нелегкие вопросы, но играл исцеляющую роль. Часто это была терапия жестокая — таковы вайдовские «Канал», «Пепел», «Человек из мрамора».

Вайда считает, что если его фильмы пережили время, то, ве-

роятнее всего, потому, что он был наивен политически. «Это было спасением: диалог с обществом мне удавалось вести поверх голов правителей. При этом я понимал, что для создания фильма важна не сама тема, не сведение счетов с людьми или со взглядами, а нечто захватывающее само по себе, провидение, образ. Иначе мы станем лишь политическими спекулянтами. Роль художника иная».

Зато его поведение в жизни весьма определено. Помню, как в 70-е годы даже в культурных кругах «шестидесятников» имя Вайды многие произносили впол-

голоса: он вступил в «Солидарность» и стал советником ее лидера. А когда тот стал президентом Польши, Вайда возглавлял Комитет по кинематографии, был сенатором и членом большинства комиссий и фондов. С 1980 года Анджей Вайда — еще и член Ордена мальтийских рыцарей, что, впрочем, уже ни к политике, ни к искусству прямого отношения не имеет.

В общении Вайда мягкий, деликатный человек. Подчеркивает роль других в создании его фильмов: «Режиссером быть легче, чем живописцем; у того больше ответственности, он один! А ты лишь возглавляешь коллектив». Главным недостатком прежнего режима считает то, что у человека отбирали инициативу, неважно, хотел он ставить спектакль или открыть магазин.

«Польскую школу» многие отождествляют со «школой Вайды». С именем Вайды связан любимец польского народа, навеки оставшийся сорокалетним Збигнев Цыбульский («Пепел и алмаз»). В «Человеке из мрамора» дебютировала Кристина Янда, недавно сама выступившая в роли режиссера. А Даниэль Ольбрыхский снялся у Вайды по крайней мере семь раз — вспомним «Пепел», «Все на продажу», «Человек из железа», «Березняк», «Пилат и другие», «Свадьба», «Барышни из Вилька».

Последние три-четыре года

Вайда «замолчал». Работал со своими любимыми театрами — «Старым» в Кракове и «Повшехным» в Варшаве. Затем последовал прорыв. «Страстная неделя» уже идет, на подходе у мастера современная «Девочка Никто» и «Пан Тадеуш» по поэме Адама Мицкевича.

Каким Вайда видит будущее кинематографа?

— Кино не театр с живым актером, с одной стороны, и публикой — с другой. Будущее кино определит техника. За театром не стоит никакая промышленность. Там можно создать представление, освещенное сотнями прожекторов, а можно — при свечах; можно — с люками и движущейся сценой, а можно — без. И это не имеет значения. Важен только человек. Кино же принадлежит не только художникам, инженерам человеческих душ, но и просто великим инженерам.

— Так каким же может быть финал?

— Техника не может остановиться. То, что станет с кинематографом, не зависит ни от зрителей, ни от кинотворцов. Кино в том его виде, в каком мы его знаем, заканчивается если не сегодня, то завтра. Конечно, кино не будет снимать компьютер, но технологическая революция способна потрясти мир на экране.

ВАРШАВА.

Фото
Алексея БЕЛЯНЧЕВА.